

зренческом отношении русским востоковедам-литературоведам были свойственны те же черты, что и востоковедам дореволюционного периода вообще как в России, так и на Западе, т. е. идеалистическое понимание истории, недооценка социологического подхода к исследованию литературы и т. п. Однако в литературоведческих исследованиях российских востоковедения следует отметить также и прогрессивные черты. Во-первых, под воздействием передовой, демократически-просветительской общественной мысли в России многим востоковедам было свойственно уделять большое внимание связям литературы с общественной жизнью (например, в работах индолога И. П. Минаева и др.), а особенно с XX в. — развитию восточных литератур в новое время (например, у И. Ю. Крачковского). Во-вторых, в ряды востоковедов со второй половины XIX в. вступали выдающиеся представители восточных народов России, испытывавшие могучее идеологическое влияние великих революционных демократов В. Белинского и Н. Чернышевского: таковы, например, азербайджанец Мирза Фатали Ахундов, бурят Доржи Банзаров, казах Чокан Валиханов. Все это положительно сказалось на многих работах дореволюционного ориенталистского литературоведения.

С самого начала формирования советского востоковедения после Великого Октября выдающиеся филологи-востоковеды старшего поколения, овладевая постепенно и не без внутренних трудностей марксистской методологией, все больше замечали несоответствие между требованиями жизни и характером восточной филологии, обращенной в наибольшей мере к далекому прошлому, к филологической детали. Заслугой академиков И. Ю. Крачковского, В. М. Алексеева, Н. И. Конрада, И. А. Орбели, В. А. Гордлевского, А. П. Баранникова и С. А. Козина является решительная постановка ими вопроса о необходимости поворота к изучению новых литератур Востока; своими трудами они начали осуществлять этот поворот и подготовили научные кадры, способные довести его до конца.

Однако существенными недостатками, свойственными многим работам, были: некоторое увлечение формальной компаративистикой, чрезмерная традиционность филологических методов исследования, а также элементы недооценки национальных особенностей литератур, вклада в литературы Востока многих малых, угнетенных в прошлом народов Средней Азии и Закавказья. Последний недостаток вступил в противоречие с пробудившимся национальным самосознанием народов Советского Востока (азербайджанцев, узбеков, таджиков, киргизов и др.), рассматривавших как свое, родное то культурное наследство литературы, которое иные исследователи бесследно растворяли в персидской, турецкой, арабской или некой «общемуусульманской» культурах. Этим можно объяснить столь острый характер дискуссий о «праве на наследство», проходивших в республиках Советского Востока и содействовавших в конечном счете правильному научному разрешению многих проблем истории культуры народов Востока как советского, так и зарубежного.

Советское востоковедение, критически осваивая лучшие традиции дореволюционной ориенталистики, развивается на принципиально новых основах — марксистско-ленинской методологии и осознании роли науки в борьбе за национальное и социальное освобождение и возрождение народов Востока. Одной из характерных черт советского востоковедения является то обстоятельство, что в изучение Востока во все большей мере включались ученые самих народов Востока, т. е. научные кадры, для которых изучение восточных культур является изучением своей, родной национальной культуры. При этом осуществляется интернационалистское единство исследовательской работы советских восточных ученых с востоковедами общесоюзных научных центров, прежде всего Москвы и Ленинграда, что вносит новое в само понятие «ориенталистское литературоведение».

В этом смысле новое направление изучению литератур Востока, их изучению, так сказать «изнутри», придали прежде всего именно ученые